

ИМПЕРСКИЙ
СЫСК
От Евгения Сухова

Таежная месть

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

В оформлении обложки использована
иллюстрация *И. Варавина*

Сухов, Евгений.
С91 Таежная месть / Евгений Сухов. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 256 с. — (Имперский
сыск от Евгения Сухова).

ISBN 978-5-699-89375-1

С некоторых пор в окрестностях таежного поселка стали пропадать люди. Случайно найденные обезображенные трупы некоторых из них наводят на местных жителей ужас. Неужели это дело рук человека? Но егерь Тимофей уверен: это работа медведя-людоеда. На зверя организуются облавы, но хищнику каждый раз удается уйти. После очередной засады, убив медведицу, напавшую на охотника, егерь приносит в дом живой трофей, медвежонка Машку, и поселяет его вместе с другими медвежатами, живущими в его вольере. К Машке очень привязывается медвежонок Антошка. Случай помогает им бежать в лес. Спустя некоторое время количество жертв начинает расти. Тимофей догадывается, кто всему виной, и «вызывает огонь на себя»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89375-1

© Сухов Е., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

ФОТОГРАФИИ НА СТОЛЕ

На моем письменном столе, сколоченном из дубовых, гладко строганных досок, стояли две любительские фотографии, запечатлевшие небольшие, но весьма яркие сюжеты дикого леса. На первой фотографии в изящной ореховой светло-желтой рамке была заснята колоритная крупная полярная сова, сидевшая на сучковатой еловой ветке и с интересом глядевшая прямо перед собой. Снимок удачный: на птице было видно каждое перышко. Белый цвет чередовался с черным узором, огромные выразительные глаза с желтой радужкой, будто бы две застывшие планеты, выразительно и очень вдумчиво поглядывали на каждого, кто хотел полюбоваться птицей. К совам у меня особое отношение. Я люблю этих птиц — и за мистическую тайну взгляда, и за неслышный полет в темноте, мгновениями мелькавший в лунном сиянии.

Фотография совы стала для меня личным домовым, охраняющим очаг и его хозяина. Когда следовало принять какое-то важное решение,

я посматривал на сову, как если бы хотел заручиться ее поддержкой.

Другой снимок запечатлел человека и медведя в смертельной схватке. Нужно было отдать должное хладнокровию неизвестного фотографа, сумевшего уловить критический момент. Хотя, быть может, в эту секунду в его руках должна была находиться не любительская фотокамера, а безотказный карабин. Снимок был старый, доставшийся мне от отца, отчаянного охотника-медвежатника.

Снимали где-то в начале апреля, что было видно по тощему телу зверя, совершенно недавно выбравшегося из берлоги и стремившегося побыстрее нагулять жирок. В отдалении можно было рассмотреть высокие ели, спускавшиеся с пологого склона к небольшому ручью. Ранней весной медведь наиболее голоден. В этот период он не брезгует ни случайной полевой мышью, ни насекомыми, выбравшимися из земли на теплое солнышко, голод глушит природный страх даже перед человеком, и зверь может напасть на охотника.

Медведь был огромным, не менее трех с половиной метров. Поднявшись на задние лапы и открыв широко пасть, зверь двигался прямо на человека, бесстрашно стоявшего с оружием

на расстоянии двух метров. Следовало отдать должное хладнокровию безымянного охотника — он чуток выставил вперед правую ногу, а ствол карабина направил точно в голову зверя, — держался таким образом, как если бы находился не перед матерым зверем, изготовившимся к смертельной атаке, а в городском тире у неподвижной мишени.

Судьба отважного охотника мне была неизвестна. Шансы не угодить под когтистую лапу хозяина тайги у него были минимальные. Известны случаи, когда зверь, буквально напичканный свинцом, расправлялся с опытными охотниками и потом спокойно умирал рядом с растерзанной жертвой. И в этом случае могло произойти нечто подобное.

Судя по поведению охотника, тот был весьма опытным медвежатником, а потому даже не предпринимал попыток как-то уклониться от встречи с медведем, осознавая, что любое лишнее действие может привести к печальному исходу. И очень хотелось верить, что смелый человек оказался победителем в этом поединке.

В этот раз я просто обязан был посмотреть на обе фотографии: на сову как своеобразный тотем, приносящий мне удачу, и на медведя с открытой оскаленной пастью.

Так уж получилось, что из множества профессий мне досталась профессия егеря. Хотя я не однажды пытался переиначить предначертанное, даже уехал после окончания школы в город, где поступил на биологический факультет. Это была моя первая отчаянная попытка порвать с потомственным ремеслом. Учеба мне давалась легко, студенческая жизнь тоже захватила всецело, так что к родителям в тайгу я наведывался только по большим праздникам. Тогда я всерьез полагал, что прокладываю новую дорожку, по которой, быть может, пойдут мои дети, а то и внуки.

После окончания вуза я некоторое время колебался, чем же мне в итоге заняться: научной работой, которая представлялась мне более интересной, или педагогической. После некоторого внутреннего противоборства выбрал второе. Но, поучительствовав некоторое время, я все же решил вернуться в тайгу, которая, как мне показалось, очень ждала меня все это время.

Мой путь вне тайги больше напоминал трудную дорогу форели, которая три года плавает по морям и океанам, чтобы потом, вспомнив вкус родного ручья, вернуться к истокам и воспроизвести на свет следующее поколение мальков. А затем, исполнив предначертанное, помереть

прямо среди отложенной икры. Вот только в отличие от форели для меня это был не конец земного пути, а продолжение прежней таежной жизни, о которой я знал все.

Что бы там ни было, но кровь предков оказалась сильнее и сумела взять свое — вернувшись в отчий дом, я тотчас устроился егерем, с твердой уверенностью не причинять зверю вреда.

Вернулся в тайгу я не один, а с молодой красивой женой Надеждой, которая сразу полюбилась моим родителям. С ней мы учились вместе на одном факультете, так что наши дороги пересекались не однажды, потом прогулки по паркам переросли в нечто большее под названием любовь. На последнем курсе я вдруг понял, что не могу без нее прожить и дня, и предложил выйти замуж. Вот только положительный ответ получил не сразу, а лишь через год, и время ожидания мне показалось невероятно болезненным.

Свое пребывание в тайге Надя воспринимала как часть научной работы, которой успешно занималась еще на факультете. С очного отделения аспирантуры, после того как вышла замуж, она перевелась на заочное и с тех пор посвящала лесу куда больше времени, чем своему мужу.

На что я, естественно, не обижался, мне было просто хорошо потому, что Надя была рядом со мной. Удивительно, но сфера ее интересов была в области изучения крупных таежных хищников, в том числе и медведей. И поначалу меня вводил в недоумение ее восторг, когда она всматривалась в огромные следы медведей, как если бы речь шла о плюшевых мишках. Так что благодаря ее помощи я знал, какова популяция медведей во вверенном мне районе, а она, судя по количеству медвежат, неуклонно возрастала. А вот хозяина наших мест мне пришлось определять самому, это был десятилетний медведь, которого я прозвал Лешим, весьма большой любитель малины.

А еще через два года Надя вдруг неожиданно уехала в город, сказав, что ей нужно уладить с родителями все семейные дела и разобраться с научной работой.

Не показав своих переживаний, я лишь ответил:

— Если нужно, езжай!

С нашего расставания прошел уже почти год, а Надя так и не появилась. И с некоторых пор я все чаще стал вспоминать нашу совместную жизнь. Для ее отъезда не было никаких предпосылок: жили мы дружно, дело было тоже общее.

Тогда мне казалось, что всю оставшуюся жизнь мы проведем вместе, однако действительность часто оказывается куда суровее, чем нам этого хочется. Прождав месяц, поначалу я хотел написать ей серьезное письмо, чтобы она, наконец, определилась со своим выбором, что для нее важнее: семья или работа. А потом, подумав, решил не торопить события, пусть все складывается эволюционным путем. Никаких революций! Так что все прошедшее время мы лишь иногда баловали друг друга письмами, которые всегда были длинными и очень искренними. И в какой-то момент я сумел убедить себя в том, что в настоящее время мне этого достаточно.

С отъездом жены я всецело посвятил себя работе.

Первые два года я ходил по тайге без ружья, имея с собой только охотничий нож (некий романтический период в моей жизни), что, по мнению моих родственников и друзей, было полнейшим безрассудством. На третий год ситуация резко изменилась: один за другим стали погибать грибки, и их обглоданные тела стали находить даже близ поселка. А это означало одно: в нашем краю появился медведь-людоед. Вот тогда мне пришлось взяться за ружье.

Откуда взялся в наших краях шатун, никто толком сказать не мог. В соседних районах он не давал о себе знать, столкновений с медведем-людоедом также не наблюдалось. Следовательно, он был местный. Бывает, что медведя на людоедство толкает накаत्याющаяся старость. Обессиленный, истощенный, не способный, как в лучшие годы, догнать и повалить лося, медведь вынужден довольствоваться более доступной добычей: грибником, у которого, кроме лукошка да вот еще небольшого перочинного ножа для резки грибов, вряд ли что отыщется. Отведав однажды человечины, медведь уже более не остановится. Раненый зверь — тоже короткая дорога к людоедству. Обозленный, он начинает мстить всему человечеству сразу и, отведав крови, превращается в опасного людоеда.

На дворе крепчал июнь — время активного спаривания, в этот период медведи наиболее агрессивны. Не исключено, что погибший грибник случайно сделался свидетелем пылкой медвежьей любви, чего обозленные звери ему не простили.

Охотоведы выдвинулись на отстрел шатуна, и в течение последующих суток было убито

два медведя, один из которых предположительно был людоедом, а второго, проявившего неожиданную агрессивность, убили на исходе дня.

Но вскоре выяснилось, что жертвы не окончились. Через неделю пропали еще три человека. Если от первых двух, рыбаков, все-таки что-то осталось, от третьего, грибника, нашли только клочья окровавленной одежды и фрагмент черепа. А это означало одно: или охотоведы убили не того медведя, или людоедов было двое и один из них по-прежнему хозяйничает на территории. Так или иначе, следовало быть предельно осторожным. Медведь не успокоится и будет навешиваться в окрестности поселка, как на личную кормовую базу.

Такое уже случалось, и не однажды.

До сих пор старожилы рассказывают о том, что произошло лет тридцать тому назад в соседнем районе, в деревне Выселки. Отрезанная от цивилизации тайгой и двумя широкими реками, деревня находилась в полнейшей изоляции от остального мира. Но людям жилось там неплохо, деревенька входила в число перспективных: край богат рыбой и зверьем, в каждом доме бы-

ли сплошь охотники и рыбаки, а потому молодежь разбегаться не собиралась. В положенный срок обзаводилась семьями и продолжала жить по своим традициям, что были завещаны дедами: закинуть ружьишко за плечо — и в лес! Мясо и шкуры продавали перекупщикам, наведывавшимся в их края раз в неделю. Так что денег хватало, чтобы отдохнуть на «большой земле» и съездить к родне. Но неожиданно в окрестности объявился медведь-людоед и только за один год задрал восемь охотников.

Охотоведы, прибывшие из райцентра на отстрел медведя, разыскать шатуна так и не смогли. Зверь оказался невероятно хитрым, проворным: умело убегал от погони, обходил многочисленные ловушки и засады. Пробовали его ловить на приманку. Притащили как-то из деревни падшую лошадь, положили ее на тропу, где он обычно проходит, и устроили засаду. Но людоед напал на охотников из-за спины и, задрав сразу троих, ушел.

Пытались затравить лайками, обученными охоте на медведей, но шатун, совершенно их не опасаясь, вскоре передал всю стаю. Медведю-людоеду объявили настоящую войну, решено было загнать его на равнину, где зверь будет просматриваться со всех сторон. Во

время загона было уничтожено пять медведей, один из которых, по предположению охотоведов, должен был быть тот самый шатун. Охотоведы уехали как победители, но уже через две недели медведь-людоед вновь объявился в Выселках: разобрав дымоход, он проник в жилую избу, где растерзал древних старика со старухой.

Молодежь, оставшаяся в деревне, установила дежурство, но в ту же ночь медведь задрал двадцатипятилетнего парня, предварительно расколов его карабин. Вскоре медведь нашел медведицу, с которой неизменно навывался в деревушку, а когда у них появилось трое медвежат, то в деревню они стали приходить на прокорм целым семейством.

Сговорившись, деревенские собрали нехитрый скарб на телеги и навсегда съехали с проклятого места. С тех самых пор в Выселках никто не жил, и прежде крепкие дома обветшали и осыпались. Если кого и можно было найти в этой деревушке, так это дикое зверье, считавшее теперь эту часть района своим домом.

Так что история знает немало случаев, когда медведь-людоед способен держать в страхе всю округу.